

ПУСТЬ ВОЗНИКНЕТ «ДУХ ПАРИЖА» — ДУХ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ И МИРА!

Репортаж из Франции
МАРТ — АПРЕЛЬ 1960 года

СНОВА ПАРИЖ

Когда сейчас, вернувшись в Париж, пытаешься вновь окинуть взглядом окончившуюся поездку главы Советского правительства по стране, чтобы рассказать читателям «Литературной газеты» о ее финале, вспоминается столько яркого, интересного, без преувеличения говоря, небылого, что просто и не знаешь, с чего начать корреспонденцию.

Ясно одно — и это с кляпой милой вынуждены нынче признавать даже самые правые парижские газеты: результаты поездки превзошли самые оптимистические ожидания.

Издавна известно, что Франция — гостеприимная страна. С учтивостью и внимательностью принимают французы президентов, королей, премьер-министров.

Но с приездом Никиты Сергеевича Хрущева здесь произошло нечто совершенно новое. Искренняя французская учтивость обернулась сердечностью, а официальная внимательность — тем чудесным гостеприимством, которое оказывается лишь самым дорогим гостям.

Париж, Бордо, Марсель, Ним, Мец, Верден, Реймс, Лилль, Руан. Старинные и славные французские города, которые мы, советские люди, даже те, кто никогда не покидал родного края, хорошо знаем с юности, к которым привились нам интерес, любовь, а порой и нежность великая французская литература и французские художники...

Может быть, годы «холодной войны» изменили или испортили французский характер, всегда склонный к широкому мышлению, взаимопониманию, всегда открытый для дружбы? Может быть, скажут небывалые о «кознях и коварных намерениях Брежнев», о «московском империализме», которые с чужого голоса из года в год нудно повторяли многие газеты, затуманивая разум французам?

Все это должен был показать визит главы Советского правительства. Недаром сейчас во Францию съезжался весь цвет западной журналистики.

От того, как Франция примет господина К., от того, удастся ли ему и генералу де Голлю найти общий язык, многое зависит в будущем мире...

Сколько раз эту фразу в разных вариантах доводилось слышать за последние дни, летая в самолете, несся в автомобиле или в поезде, от наших коллег — западных журналистов! Они старались не только не пропустить ни одного слова Никиты Сергеевича, но и уловить интонацию, с которой оно было произнесено.

Курьерский поезд со скоростью 120 километров в час мчал нас из Лилля в Руан. В разгар обеда, когда звенели вилки и стаканы и все казалось, были поглощены бифштексами, вдруг пропал слух, что Никита Сергеевич появился в одном из вагонов для представителей прессы.

Мгновение — и все остальные вагоны опустели. Когда мы, советские корреспонденты, скажем прямо, не обладающие в своем большинстве «динамизмом» и непосредственностью заокеанских журналистов, поспешили в этот вагон, мы увидели тесную и плотную стену изголовий, на правленных на нас... Мы увидели, как один предпринимчивый фоторепортер по багажной сетке пробрался к месту, где происходила беседа, а потом узнали, что другой корреспондент втиснулся со своим камерным аппаратом под стол и задал свой вопрос оттуда...

Можно было бы, разумеется, не останавливаться на внешних деталях этой внезапной, необычной и очень интересной по существу пресс-конференции, но такие стрихи, как мне кажется, лишней раз подчеркивают атмосферу всемирного общественного интереса, в которой совершалась поездка Н. С. Хрущева, а это уже в свою очередь говорит о росте престижа Советского Союза, его внешней политики, его дел в мире.

И вся масса иностранных корреспондентов, многие из которых — чего греха таить — приехали сюда, полные предубеждений, настроенные, оравшие своим же собственным выкриками, стала свидетелем горестивых и сердечных встреч, которые оказывали Советскому гостю не только Президент Республики, но только министры, мэры городов, префекты, депутаты, муниципальные советники, то есть лица официальные, но и прежде всего народ Франции, ее рабочие, ее крестьяне, ее интеллигенция. И люди Западной Европы, что все же так даром тратятся огромные деньги на изощренную пропаганду: мастера измышлений и провокаций не много преуспели в своей генеральной задаче — натравливать француз на советских людей, на наши порядки, на наши дела, на наши мечты.

Потомки тех, кто штурмовал Бастилию, кто плескал «Карибскому» на парижских площадях, кто свалил Ваномскую колонну, кто провозглашал Парижскую Коммуну и умирая на баррикадах, не забыли революционного прошлого своей страны и гостеприимно, горячо, с энтузиазмом приветствуют главу правительства великой Советской державы.

Может быть, именно потому, что война оставила тут много страшных следов, встреча главы Советского правительства, вытиснувшего проект всеобщего и полного разоружения, была здесь — снова повторяю! — особенно внушительной. Толпы людей загрохотали уличными, отведенного под резиденцию Никиты

Никита Сергеевич Хрущев отвечает на приветствия многотысячной толпы.

Фото В. Соболева

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й
№ 40 (4165)

Суббота, 2 апреля 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

Хорошая погода во Франции

ПОВТОРЕНИЯ —
НЕИЗБЕЖНЫ...

Борис ПОЛЕВОЙ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

Сергеевич Хрущев, просторную площадь перед «Дворцом консулов», где он должен был выступить вечером, застилало людское море. Лейтмотивом надписей на плакатах, которые принесли с собой люди, была тема мира: «Здравствуй, Никита — генерал Сталинград, генерал мира», «Всеобщее разоружение!», «Атомную бомбу прочь с планшеты во всем черт!».

Толпа простояла на набережной Сены много часов, не расходясь, не уходя, только для того, чтобы вечером увидеть главу Советского правительства, улыбающегося ему издали, прославившего дружелюбно его имя.

В Руане есть большие средневековые часы, арка с которыми, стоящая среди современных домов, издали бросается в глаза, как брошенный бы в глаза закованный в латы рыцарь, очутившийся в переносе современных солдат. Многие десятилетия часы эти молчаливо и громким звоном отмечали течение времени.

Заканчивая свою речь на обеде в Торговой палате Руана, устроенном в честь главы Советского правительства, Никита Сергеевич предложил гостям «за дружбу между нашими народами, за мир на земле, за то, чтобы «Бог» и часы» Руана отсчитывали только мирное время!».

Нужно было видеть какое ликование и понимание вызвали эти слова! По Советского Союза, из города Сумы, во Францию донеслась весть, вновь и вновь говорящая о том, что боевое братство двух великих народов континентальной Европы не забыто.

В одной из корреспонденций я, как и другие советские коллеги, написал о ночной встрече в городе По с парижским Жюльеном Вебе. Напомню: он горячо и гневно выразил недовольство протестом французских «аураури», которые велит наше правительство с Аленауаром, и с восхищением говорил о советских людях, вместе с которыми он находился в гитлеровском концлагере.

Я не привел фамилий советских людей, которых говорил Вебе, а корреспондент киевской газеты «Радянська Україна» Иван Педанюк сделал это.

И вот во Францию уже долетела весть из украинского города Сумы, что один из друзей Вебе — Николай Коломеец сейчас артист городского театра. Он поспешил

сообщить другу Жану, что живет хорошо, что почитает своего французского собрата и других французских товарищей, что написал пьесу о днях, проведенных в фашистском концентрационном лагере, что одним из героев этой пьесы он вывел Жана и что эту пьесу собираются поставить в театре, где он работает.

Чем не сюжет для новеллы? А попробуй напиши — я критик, и читатели скажут: такого не может быть.

Сейчас, когда пишется эта строка, Шарль де Голль и Никита Сергеевич Хрущев совещаются при закрытых дверях в загородной резиденции Президента Французской Республики Рамбуйе. Это старинный замок, окруженный большим парком.

Западные журналисты в ужасном ажиотаже: что там происходит? Многие из них уже не раз подлезали к воротам Рамбуйе и пытались провалиться в них. Но никаких новостей, кроме того, что замком этот некогда был резиденцией Екатерины Медичи и Генриха IV, что в одной из его комнат Наполеон провел последнюю ночь перед высылкой на остров святой Елены, узнать им не удалось...

Теперь они, пользуясь любым случаем, атакуют наших дипломатов, сопровождающих Никиту Сергеевича товарищей и даже нас, советских корреспондентов, и то и дело спрашивают:

— О чем же они могут говорить? Договорятся или нет? О чем договорятся?

— Зачем галдеть, — отвечаю мы. — Время покажет...

Ясно одно: что переговоры проходят в благоприятной атмосфере, что по обе стороны стола сидят бывшие военные, знающие, что такое война, не плазетка и не поштабный сволочка, сидят два человека, умудренных огромным опытом, любящие свои страны, неуклюжие об их величии, как восторг в эти дни, упавшие друг к другу на шею. А это уже само по себе хорошо.

Словом, хорошая погода стоит сейчас в столице Франции. И французы, которым надоели зима, дождь и мокрый снег, радуются теплым ветрам, которые сегодня дуют им в лицо.

ПАРИЖ, 1 апреля.
(По телефону)

СЧАСТЬЕ И ПРОЦВЕТАНИЯ!

КТО В МИРЕ не знает Парижа! — хотелось бы мне воскликнуть вслед за Н. С. Хрущевым. Кто не знает этого города смелых дерзаний, давшего миру великих мыслителей, замечательных ученых, талантливых писателей, искуснейших рабочих! Кто из нас не восхищался эпопеей Великой французской революции! Сразу же после Октябрьской революции именем Друга народа — Марата — был назван один из наших линкоров.

Вот почему так остро переживаешь с детства знакомые исторические события, и находишься непосредственно в Париже, и мысленно солгуешь в эти дни нашему посланцу.

Однажды Луи Арагон, подходя к дому, где он жил, в Париже, на улице Сурдьер, недалеко от Оперы, показал мне немного подальше другой дом, освещенный одиноким ночным фонарем, и заметил:

— Посмотрите на эти окна. Здесь жил Максимилиан Робеспьер. — И прищелкнул со своей милой улыбкой: — Он был мой сосед.

Уважение к своей истории — вот один из верных признаков великой нации. Нигде нет такого множества исторических памятников, соборов, замков, отдельных домов, мемориальных досок, как во Франции.

Одна из мемориальных досок находится на тихой улице Мари-Роз. Здесь жил Ленин. Когда я посетил эту квартиру, мне представился Париж конца первого десятилетия нашего века. Шумные споры в парижских кабаках и внимательно прислушивающийся человек с высоким лбом. Вот Ленин идет на велосипед в Национальную библиотеку. Вот он направляется в Жювизи, чтобы посмотреть на полеты аэропланов. Идет вместе с Крупской к Полю Лафаргу...

А несколько дней назад здесь скопились тысячи парижан. Тихая улица забурлила, встречая главу созданного Лениным правительства трудящихся. И, возможно, не один парижанин уверился в душе, что это именно здесь, в Париже, Ленин думал о том новом в жизни людей, что ныне властно вошло в действительность.

Париж населен не только великими историческими личностями. В еще большей степени он населен героями и персонажами своей литературы.

Вы ходите по Парижу, как по страницам знаменитых романов.

Есть Париж Гюго, Париж Бальзака, Париж Золя, Париж Марселя Пруста, Париж Мопассана, Париж Арагона, Париж Бодлера.

Множество Парижей, таких не похожих друг на друга и вместе с тем таких единых во всем своем многообразии.

Мы, русские, особенно остро ощущаем это, быть может, потому, что нигде в мире не издаются и не читаются так много французской художественной литературы, как в нас в Советском Союзе.

Любовь к французскому искусству — одна из наиболее старых и наиболее устойчивых традиций русской литературы.

Разумеется, нет никакой возможности перечислить все великие, средние и малые произведения французских писателей, начиная с «Песни о Роланде» и кончая «Маленьким принцем» Сент-Экзюперы и «Розами в кредит» Эльзы Триоле, изданными в Советском Союзе. Все же приведу несколько цифр.

За время существования Советской власти у нас в стране было издано свыше четырех с половиной тысяч единиц лишь названий книг французских писателей. Их общий тираж — 173 521 000 экземпляров на пятидесяти языках народов Советского Союза. Цифра фантастическая, однако вполне достоверная.

А вот некоторая детализация: тираж Бальзака, в круглых цифрах, — 13 миллионов экземпляров, Барбюса — 3 миллиона, Жюль Верн — 16 миллионов, Гюго — 15 миллионов, Золя — 11 миллионов, Стендаля — 8 миллионов и так далее в том же духе.

Взаимосвязь двух великих мировых литератур — французской и русской —

Валентин КАТАЕВ

есть та основа, на которой в значительной мере держится традиционная дружба двух наших народов, двух наших государств.

Влияние французской литературы на русскую было несомненно и плодотворно. Общеизвестно также влияние литературы русской на французских писателей.

Конечно, искусство — литература, живопись, музыка, кино — сближает народы. Но все же это лишь косвенная форма человеческого общения, которая не всегда может заменить прямое общение между собою живых, мыслящих, чувствующих людей разных стран мира, разных культур, наконец разных индивидуальностей. Вот почему я особенно приветствую то, что на дипломатическом языке называется личными контактами, в особенности, если эти контакты происходят между крупными политическими деятелями или руководителями государств.

В одном из своих выступлений за границей Никита Сергеевич Хрущев сказал следующее:

«Мы посвящаем свою жизнь и деятельность счастью своего народа. Но счастье нашего народа заключается не только в том, чтобы были счастливы советские люди, но чтобы и вы, и все другие народы жили в мире, были бы счастливы».

Это очень простые слова, но в них заключается глубокая философия о неделимости человеческого счастья на земле.

Нельзя счастье одних строить на несчастье других. Этой гуманистической философией, в сущности, проникнуто все лучшее произведение французской и русской литературы, и я не могу ее не приветствовать как русский писатель.

Я хотел бы еще и еще раз напомнить нашим французским знакомым и незнакомым друзьям слова главы нашего правительства, сказанные им во Франции: «Мне хотелось бы приветствовать вас и в вашем лице весь дружественный народ Франции и от души пожелать счастья и процветания».

Счастья и процветания!

Писатель Зеленого острова

«Зелен наш флаг, и зелены родины нашей поля,
Но кровью иранских сынов обгадили их зеленые».

Вот почему цвета нашей родины — зелено-алые».

Так писал Шон О'Кейси об Ираклии, о Зеленом острове.

Восьмидесятилетие со дня рождения этого крупного писателя отметил 31 марта общественность Москвы. В Институте мировой литературы имени А. М. Горького состоялось заседание, организованное институтом, СССР писателей СССР и обществом «Созвездие-Великобритания».

Заседание открыл доктор филологических наук Р. Самарин.

Недавно, во время поездки по Англии, А. Сурков провел несколько часов у Шона О'Кейси в маленьком городке Девоншира — Тотнессе. Повторялся своими впечатлениями о встрече с знаменитым иранским писателем.

На заседании выступил также кандидат филологических наук А. Саруханян и переводчица И. Кашкина и В. Рогов.

ДЕВОНШИР, АНГЛИЯ

Шону О'КЕЙСИ

Дорогой друг, мы, советские писатели, шлем Вам наши самые сердечные поздравления и скорейший привет в день Вашего рождения. Мы желаем Вам здоровья, сил и успеха в Вашей замечательной деятельности на благо и счастье человечества. Мы любим Вас и Ваши книги и желаем Вам радости на многие, многие годы.

От имени Союза писателей СССР
Алексей СУРКОВ

НАРОДНЫЕ МАССЫ ФРАНЦИИ СЕРДЕЧНО ВСТРЕЧАЮТ ПОСЛА МИРА И ДОБРОЙ ВОЛИ

Всюду — в Париже и Бордо, Марселе и Ниме, Меце и Вердене, Реймсе и Лилле, Руане и снова в Париже — всюду толпы людей горячо принимают почетного гостя, посланца Страны Советов.

Фото В. Соболева

Товарищи читатели!
С сегодняшнего номера наша газета по субботам БУДЕТ ВЫХОДИТЬ НА ШЕСТИ СТРАНИЦАХ.
Вкладка позволит нам более широко и систематически знакомить читателей с советскими литературой и искусством в Советском Союзе и за рубежом.

РИСУНОК С ЛЕНИНА

[illegible]

ЛЕНИНСКИЕ НОМЕРА ЖУРНАЛОВ

[illegible]

1. Суд всегда казался мне полем битвы, на котором высокие чувства сража-

[illegible]

БОРЬБА РАЗГОРАЕТСЯ...

[illegible][illegible][illegible]

НАШ ГОСТЬ ГРЭХЕМ ГРИН

[illegible]

151

Перед началом ватка у здания УБТ

студента Юлия Соловкова. Если бы она могла заглянуть в будущее, она бы опомнелась и убежала от него, потому что именно по его вине эти мартышки и до сих пор лежат у нее в столе. Но будущее очень скоро стало представлять ей совершенно другие картины.

Истинно женственное сердце легко обмануто, и сильнее всего на него действует неожиданность. Такой неожиданностью было объяснение в любви — Лариса П. думает, что она была любима с первого взгляда.

В этом нет ничего удивительного. Молодой человек, которого она встретила, обладал внешностью в которой сильнее всего выделялась прекрасная черта — его сильная, властвующая на волеустремленная вообразимость.

С самого начала он не пожелал скрывать свои отношения к Ларисе, намеревая убежать от ее родителей и встретиться на улице. Зачем? Ему ничего скрывать. Он гордится своей любовью. Вскоре он переживает к молодой жене — это удобнее для обоих, но

хотя это обстоятельство не имеет частного значения, в глубине оно составляет всякую личную историю. Хорошо познать и понимать человека, как есть, — похвалюсь я, потому что, сойдя с ее матерью, с ее наставниками, на ту же, любящими Союзу, дела. А пока Союз рисует, что «ангелка ее плачет: «Как тебе могу, что я уйдю от твоего страдания, от любви. Опять мир... увы, не объяснение — в парадоксальной форме, напоминающей — Не знаю, что делал и тебя.

— Пусть так, ты делаешь в достатке. Мне так хотелось учиться, но ты сильней, нужно уехать.

— Куда?

— В Самарканд, в

14. Прошло более шести лет с тех пор, как «Литературная газета» выступила против метрики с прочерком. Вопросом этим занимались многие, и в том числе такие уважаемые люди, как Д. Шостакович, Н. Эрнбург, С. Маршак и Г. Сперанский, убедительно нарисовавшие тяжелое, двусмысленное положение матери-одиночки в своем письме, напечатанном в той же газете. Пишут отцы, матери, бабушки. Со времени принятия закона прошло более пятнадцати лет — кто-то хочет писать и дети. Судьи, не желая судить, разговаривают против совести, многогласными примерами доказывают необходимость исправления закона. Почему же все эти протесты не производят на нас истинно ни малейшего впечатления?

Может быть, по той причине, что среди них не хватает доказательств психологических, открывающих неизбежную, скрытую сторону человеческого существования?

Эта статья представляет одно из таких психологических доказательств.

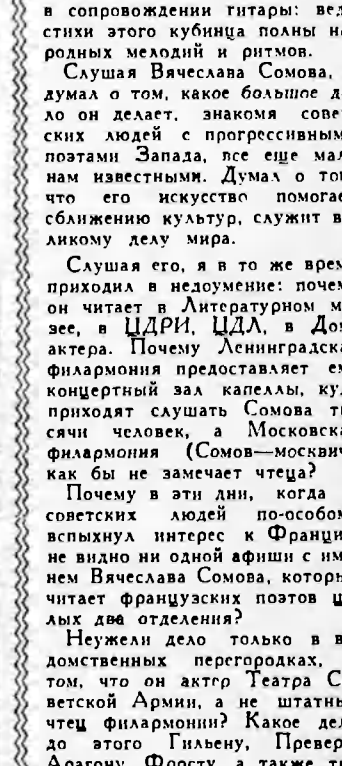
...ким ходом. Разеушук! Да
...минатор! Нет, глумо
...социальне стихотворе
...со сцену ум звучит П
...У человека, который не е
...и дня и три ночи и который
...период перед боковой выт
...наступает голодный бред.
...сardini в банках,
...крутые яйца,
...кофе со санкиами,
...кофе с ромом,
...кофе со санкиами,
...азбитые санкии,
...убитые санкии,
...кофе с кровью...
...и сам заворожен, как е
...бы шел, шел и вдруг ступи
...ушел тепловой фюр. Но стик
...одолажаются.
...Человек, почитаемый в свое
...квартале,
...бела среди бела дня зарезан
...убийца-бродяга украл у него
...дела франка.
...Что значит: кофе со санкиа
...по счету семьдесят пять
...сантимон)

Сомова

два сантиметра хлеба,
намазанных маслом
и двадцать пять сантиментов
на чей официальный
Перевел М. КУДИНОВ

Специальности пишут об искусстве
намазанном таланте Вячеслава
Сомова по-своему, как то
искусству Сомова свойственны
и многие очень ценные и раз-
нообразные черты: великоле-
пие, пластика речи, простота, и
нижающая, однако, стихотвор-
ную речь до прозы, а прозу —
до речи разговорной... Сомо-
ва лично владеет своим телом
и своим чередисским слухом
и, наконец, он глубоко и по-
стоянно музыкант... Это
профессиональный музыкант
иногда очень чуждый. Я не спе-
циально и, слушаю Сомова мно-
го раз, и не расценила его
ощущения впечатления на специ-
альный слух, музыкальность
тому подобное. Просто было
интересно и волнующе. Я видел
Сомова вполне оригиналь-
но в выборе материала, так
исполнении, что он без боя-
зни читает Гюгено, Жан Лор-
ан того же Превьера на их род-

зоблачение героя» происходит не с прокурорской трибуны, а в атмо-

[illegible]

В. СОЛОУХИН

-- Придись наша поездка на несколько лет или даже на год раньше, право же, я уже привез бы тех впечатлений, которые ты сейчас описываешь.

Тихий,

[illegible]

Ю. ГАВРИЛОВ

